

Александр Горбачев

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ОСНОВА, НАРОДНОСТЬ, ЖАНРОВАЯ
СПЕЦИФИКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ
БАСЕН И. А. КРЫЛОВА**

Фольклор является основой гуманитарной культуры. Постепенно усложняясь с прогрессом цивилизации, фольклор создал предпосылки для возникновения высокой культуры. Разделение общества на народ и высшие сословия (плебс и аристократию) стало причиной появления двух поляризованных культур: традиционной (фольклор) и элитарной (высокой).

Это размежевание не прошло бесследно. Сохранились жанровые формы, свидетельствующие о фольклорных корнях и родовых муках высокой культуры. Басня – один из самых наглядных примеров. Жанрово она близка притче, пословице, сказке, анекдоту, которые неразрывно связаны с фольклором. Показательно, что родоначальником басни считается древнегреческий раб Эзоп. У свободных граждан Эллады, очевидно, не лежала душа к «низкому» жанру. Плебейскую идеологию исповедовало также творчество древнеримского баснописца Федра. И лишь во II веке н. э. вольноотпущенник Бабрий попытался приспособить басню ко вкусам образованной публики.

После античности новый взлет басня переживает в эпоху классицизма. В этот период, оказавшись вовлеченной в орбиту высокой культуры, она наиболее полно реализует свой художественный потенциал (Лафонтен, Геллерт, Хольберг, де Ириарте, Красицкий, Сковорода, Кантемир, Тредиаковский, Сумароков, Дмитриев, Хемницер, Измайлов и др.).

Преобладающий вид художественной условности в басне – аллегория, составные части басенного пафоса – обличение и нравоучение. Этот небогатый арсенал ограничивает творческие возможности жанра, придает ему плохо совместимую с высокой художественностью одномерность.

Следует также сказать о концептуальной ограниченности басни. Короткий незамысловатый эпизод и вывод из него, чаще – тривиальный, реже – парадоксальный, что ненамного лучше, – в это прокрустово ложе не умещается глубокая развернутая мысль. Кроме того, общее для литературы противоречие между культурой и натурой (разумом и чувствами) в жанре басни, как правило, разрешается в фольклорном ключе, то есть если и в пользу культуры, то низовой. И это притом, что критерий художественности связан с активизацией высокого культурного начала.

Лучшим русским баснописцем по праву признан И. А. Крылов. Не народность и не «русский дух» были определяющими причинами его славы. Утверждая противоположное, мы настаивали бы на национальной замкнутости творчества великого баснописца и проглядели бы самое важное. Главным достоинством Крылова-художника стало соответствие его дарования жанровым возможностям басни.

Предшественники и последователи Ивана Андреевича нередко стремились выразить через басню больше или меньше, чем позволяет ее природа, и нарушали гармонию жанра. В отличие от них, Крылов не ставил перед собой непомерных задач. Он не стал дотягивать басню до масштабов высокого искусства или опускать до нарочитой примитивизации, а гениально угадал степень ее маргинальности в литературе. Иван Андреевич наполнял свои произведения элементами фольклора и разговорной речи, однако делал это, соблюдая меру. Он ритмически и интонационно варьировал стих, придавая репликам персонажей и авторским замечаниям необыкновенную живость, но одновременно чтя в себе взыскательного художника.

Таким образом, народность и «русский дух» – не сами по себе, а подвергнутые основательной профессиональной обработке – оказались для Крылова удачно найденными средствами соблюдения жанровых границ и достижения жанровой гармонии.

Иван Андреевич хорошо чувствовал меру своих литературных притязаний. Он полагал, что «лучше верного держаться, // Чем за обманчивой надеждою гоняться» («Пастух и Море») [1, 172]; сетовал: «...лиры Пиндара мне не дано в удел» («Чиж и Еж») [1, 56]; скромно заявлял: «...мы Истории не пишем» («Волк и Ягненок») [1, 57]; обещал то, что соответствовало его возможностям: «На это басню вам скажу я, как умею» («Охотник») [1, 165]. Наличие подобного рода утверждений непосредственно в творчестве баснописца – убедительное свидетельство его здравомыслия.

Идейное содержание басен Крылова определяется народной мудростью. Ее воплощениями выступают здравый смысл и народная этика, а основой – материальная выгода, обеспечивающая выживание. Наличие и варьирование этих форм порождает, на первый взгляд, некоторую замысловатость. Культура у Крылова иногда выше натуры, но лишь такая культура, которая

способствует утверждению здравого смысла и народной этики, а также получению материальной выгоды, то есть актуализации натурального начала. Иначе культура признается бесполезной, подлежит осмеянию и уступает главенствующее место натуре. Проигравшим оказывается тот, кто игнорирует здравый смысл и народную этику и упускает материальную выгоду.

Эта позиция в многочисленных вариантах повторяется во всех баснях Крылова. Весьма лукавая, надо сказать, позиция. Соглашаться с ней – значит разделять заблуждения, которыми изобилует народная мудрость и ее рупор – басенное творчество Крылова. Более того, соглашаться с ней – значит быть носителем качества мышления, не причастного к высокой культуре.

Догматическая амбивалентность народной мудрости обнаруживается в ее отношении к хитрости, которая, с одной стороны, считается разновидностью ума, с другой – признается аморальной. Хороша или плоха хитрость, решается народной мудростью в каждой конкретной ситуации, исходя в конечном итоге из приоритета материальной выгоды. Руководствуясь этой логикой, Крылов в одних случаях одобряет хитрость, в других – осуждает ее.

В басне «Лев и Человек» хитрость представлена в роли ума. По этой причине не следует принимать за чистую монету начальную фразу басни: «Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое» [1, 237] (любопытная пропорция, с фольклорной непосредственностью устанавливающая значимость природы и культуры).

В противоборстве царя зверей и царя природы ведущую роль предстоит сыграть не уму, а хитрости. Поймав Человека, Лев насмехается над его могуществом. Однако Человек не робеет, отвечая: «*Не сила – разум нам над вами верх дает*» [1, 238], после чего обманывает Льва, наглядно продемонстрировав, какое качество в басне выступает в роли разума. Царь природы хитер, ловок, смекалист, что, с точки зрения народной мудрости и солидарного с ней автора, означает: умен. Но в таком понимании культура от природы недалеко отошла. Как следствие, в морализирующей части басни натура (сила) удостоивается поощрительных слов.

Хитрость как положительное качество фигурирует и в других крыловских произведениях. Хвастливая ложь глупца опровергается хитростью в басне «Лжец». Лукавство Мужика помогает ему спастись от сердитого Льва («Рыбья пляска»). Беззастенчивая, хотя простодушная, а потому и не опасная для других зверей хитрость Зайца вознаграждена клочком «*медвежьего уха*» и сдержанным авторским одобрением («Заяц на ловле»; кстати, здесь Крылов хитрость принял за хвастовство: носителю здравого смысла свойственно путать форму и содержание).

Примеры противоположного свойства мы видим в тех баснях, где хитрость не согласуется с народной этикой. Перехитрил Фоку Демьян, превративший хлебосольство в потешное зрелище для себя («Демьянова уха»). Демьян злоупотребляет вежливым терпением Фоки – глупостью,

принимаемой, однако, в народе за добродетель. Ответом на издевательство становится разрыв отношений между соседями – еще одно вопиющее нарушение народной этики, достойное, по мнению Крылова, порицания.

А вот Купец, дающий племяннику урок торговой хитрости («Купец»). Ему удалось сбыть залежалый товар по завышенной цене. Правда, радость ловкача была недолгой: с ним рассчитались фальшивой купюрой. Обличению подлежат обе стороны сделки, и с бескомпромиссной праведностью звучит мораль:

Почти у всех во всем один расчет:

Кого кто лучше проведет,

И кто кого хитрей обманет [1, 216].

«Хромота» обличительного пафоса этой басни обнаруживается в контексте творчества Крылова. Увлеченный разоблачением «плохой» хитрости, баснописец забывает о неоднократно воспетой им «хорошей». Свести воедино эти противоположности и дать их диалектическую «развертку» – непосильная задача для народной мудрости и для жанра басни. Не будем и мы требовать чрезмерного от Крылова. И не станем поэтому удивляться, читая басню «Ворона и Лисица», в которой поругана лесь, но превозносится хитрость. Побеждает «плутовка», мастерица ветвистых комплиментов, ухватившая сыр. Осмеяна Ворона (глупость; однако попутно досталось и уму: рассеянная Ворона, прежде чем расстаться с сыром, «призадумалась», когда нужно было есть), вознесена на пьедестал Лисица (хитрость). В результате осуждение лести, в полном согласии с народной этикой, грешит декларативностью: ведь осмеян только доверчивый адресат лести, а льстец торжествует. Не будь падок на лесь, не то упустишь материальную выгоду (вместо «лесь гнусна, вредна» [1, 45]), – такова на самом деле мораль басни «Ворона и Лисица». Крылов же этот нюанс не принимает во внимание.

Но лесь однозначно клеймится им, когда она обоюдна («Кукушка и Петух»). Судьей над затейливыми птицами поставлен тот, кто проще их, – Воробей. Он говорит: «Хоть вы охрипнете, хваля друг дружку, – // Все ваша музыка плоха!...» [1, 234]. Поскольку некому нажиться на взаимной лести, она признана бесполезной и подвергнута осуждению.

В роли культурного начала в крыловских баснях выступает народная мудрость, которая является адвокатом натуры и тем самым, по большому счету, отрицает культуру.

Обычно превосходство натуры над культурой у Крылова утверждается здравым смыслом. Натура самодостаточна, а культура должна на каждом шагу доказывать свое право на существование – в этом ее слабость, с точки зрения здравого смысла. «Грамотей» (сказано с уничижительной иронией) Повар поучает Кота, а «Васька слушает да ест» [1, 101] («Кот и Повар»); Волк на резонные возражения Ягненка отвечает: «Ты виноват уж тем, что

хочется мне кушать» [1, 57] («Волк и Ягненок»); честный Вол приносится в жертву, потому что оказывается в окружении хищников («Мор зверей»).

В других случаях на помощь здравому смыслу приходит народная этика и вместе они быстро берут верх над культурой. С позиции «сермяжной правды», использующей идеал незатейливой и скромной трудолюбивой жизни, написаны басни «Стрекоза и Муравей» и «Две собаки». В первой из них трудяга Муравей отказывается приютить беззаботную певунью Стрекозу и, не сомневаясь в своем моральном первенстве, советует ей: *«Так поди же, попляши!»* [1, 82]. Во второй научившийся ходить на задних лапках Жужу выставлен аллегорией низкопоклонства, а бездарный Барбос олицетворяет терпеливую и покорную добродетель.

Бывает и такое, что недостаток культуры препятствует извлечению материальной выгоды. И тогда уже Крылов приговаривает к побиванию камнями натуру; строго говоря, натура просвещенная у него торжествует над натурой первобытной («Мартышка и Очки», «Петух и Жемчужное зерно», «Булат»).

Наконец, в баснях Крылова можно встретить описание победы аристократической культуры (правда, не высшей – мыслительной) над плебейской («Парнас», «Осел и Соловей», «Квартет»). Но и в этих случаях позиции здравого смысла по-прежнему незыблемы.

Народная мудрость учит с опаской относиться к мыслительной культуре, исходя из того, что культуры вообще не должно быть слишком много, а в теоретизирующих формах она просто неуместна. На этом основании Крылов в басне «Сочинитель и Разбойник» честит Сочинителя за критический склад ума, породивший смятение в душах сограждан и толкнувший их на совершение многих непотребств. Сами сограждане предстают жертвами злоумышленника – и только, спроса с них по загадочной причине нет. Зато Сочинитель пребывает в аду и удостаивается более страшных кар, чем Разбойник. Что характерно, вершительницей справедливости в басне оказывается Мегера – тут Крылов, преуспевший в развенчании разума, саморазоблачился.

Однако подобные мелочи не смущали великого баснописца. У него даже мудрец, седобородый пустынный (в полном соответствии с народными представлениями высший ум ошибочно отождествлен с жизненным опытом), оказался сторонником умеренного разума («Водолазы»). Поиск мыслительной глубины смертельно опасен – такова здесь мораль.

В басне «Котенок и Скворец» второй в заглавии персонаж, «философ презнатный» (поэтому и второй, и удостоен авторской насмешки), проповедует ценности природы: *«На свете кто силен, // Тот делать все волен»* [1, 200]. Выслушавший эту сентенцию Котенок съел своего учителя, иронически поблагодарив его: *«Спасибо, милый кум! // Наставил ты меня на ум»* [1, 200]. Ум, как видим, напрямую связывается у Крылова с

потребностями желудка. А натура рассуждающая посрамлена натурой жующей.

Иерархия природы и культуры учтена также в названии басни «Огородник и Философ». «Недоученный» (по части натурной мудрости, разумеется) Философ во всем уступает Огороднику.

*Прилежность, навык, руки:
Вот все мои тут и науки;
Мне бог и с ними хлеб дает [1, 103], –*

с достоинством отвечает практик теоретику. Логика Огородника проста: надо трудиться, чтобы была пища; если добыт хлеб, то ничего больше не нужно. Иного смысла человеческой жизни ни он, ни автор басни не предполагают. Поэтому Философ, возмнивший себя носителем духовности, не связанной напрямую с практикой, откровенно нелеп. Он даже выращивать взялся малопригодные для прокорма овощи – огурцы. Басня завершается триумфом природы и поражением культуры:

*У Огородника возило все и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Философ –
Без огурцов [1, 104].*

Крылову ставят в заслугу трансформацию жанра басни, смещение ее от классицистического канона к реализму. Дело это хорошее. Однако Иван Андреевич не мог не догадываться, что последовательное продвижение басни от классицизма к реализму означало бы конец этого жанра, и воли реалистическим новациям не давал. Русская литература уже обладала таким сокровищем, как «лишний человек», а «дедушка» Крылов продолжал двигаться по наезженной колее, на обочине которой посыпали головы пеплом «безогурцовые» философы.

Справедливости ради мы должны отметить главное достижение Крылова – последовательное утверждение позиции здравого смысла. Великий баснописец не кокетничал, не пытался при помощи мнимой загадочности и формальных изысков создать иллюзию своей чрезвычайной одаренности, как это делали и делают многие художники слова. Крылов уязвим для критики, зато на виду достоинства его творчества, важнейшим из которых является обогащение литературного языка стихией разговорной речи. Высокая культура произрастает из здоровой природы, разум – из здравого смысла. Поэтому басни Крылова почти два века назад стали стартовой площадкой для русской литературной классики. Их легкокрылый ямбический слог оказался драгоценным подарком для Грибоедова, с которого, собственно, и началась великая русская литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов, И. А. Соч. : в 2 т. / И. А. Крылов. – М., 1969. – Т. 1.